

УДК 930.85:687.01(47+57)"1950/1960"

doi 10.17072/2219-3111-2023-3-174-185

Ссылка для цитирования: *Платонова Е. С.* Модерность, темпоральность и советская мода в Ленинграде в 1950–1960-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 3(62). С. 174–185.

МОДЕРНОСТЬ, ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И СОВЕТСКАЯ МОДА В ЛЕНИНГРАДЕ В 1950–1960-Е ГОДЫ¹

Е. С. Платонова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, 190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

es.platonova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-5061-8541

Researcher ID: GVS-7611-2022

Рассматривается процесс обсуждения и утверждения на производство прототипов одежды в Ленинградском доме моделей в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Задача «преодолеть отсталость», которая являлась ключевой в риторике советских государственных деятелей того времени, нашла свое отражение и в моде. Но, по сравнению с западными странами, советская массовая мода словно застыла во времени и выглядела устаревшей. На основе архивных материалов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Государственного архива РФ (ГАРФ) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ), а также подшивки журналов «Модели сезона» и «Моды. Ленинград» в статье рассмотрена мода как проявление модерности. Центральным фокусом стала специфическая темпоральность советской моды. Исследование показывает, что советская мода 1950–1960-х гг. обладала разными темпоральными режимами. Первый временной режим, который характеризуется очевидным «отставанием» от западной моды, был сформирован за счет разных темпов моделирования и производства в СССР. Помимо технических сложностей, представления сотрудников Дома моделей о том, какой темп смены коллекций считался нормальным, также тормозили процесс обновления моделей. Внутри страны советская мода тоже находилась в разных темпоральностях. Классовое, культурное и социальное неравенство способствовало тому, что формировались «разные» моды, которые могли отставать друг от друга. Основным выводом статьи стало то, что у художников-модельеров не было цели создать полную альтернативу западной моде, а понимание современного было сформировано за счет транснационального взаимодействия идей. Находясь в разных темпоральностях, советская мода проявлялась в различных измерениях модерности.

Ключевые слова: советская мода, Ленинград, оттепель, темпоральность, модерность.

Введение

В 1959 г. в Общесоюзном доме моделей одежды (ОДМО) в Москве в рамках серии Всесоюзных методических совещаний проходили обсуждения разработки новой зимней одежды рабочих взамен телогрейки – ватной простеганной куртки. Впервые открытая критика в адрес телогрейки поступила от Н. С. Хрущева на выступлении в Рязани: «Слушайте, со времен Николая II существует эта телогрейка. Неужели мы ничего не можем из этих же тканей сделать более удобную, доступную, более любимую одежду для рабочих?» (РГАЭ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 141. Л. 50). После этого замечания в феврале 1959 г. на Всесоюзном совещании директор ОДМО Н. Н. Никифоров объявил, что А. Н. Косыгиным художникам-модельерам было поручено разработать новый вариант зимней одежды. Директор сравнил отказ от телогрейки с отказом от русских лаптей в советской деревне (Там же. Л. 53), т.е., по его мнению, введение новой теплой одежды становилось индикатором улучшений в повседневной жизни. Однако как в Москве, так и в Ленинграде некоторые сотрудники домов моделей болезненно воспринимали требования отказаться от работы над привычными им видами одежды. Так, директор ОДМО прокомментировал реакцию коллег на отказ от телогрейки: «Вчера на совещании товарищи некоторые стали приносить соболезнования по поводу телогрейки – она очень удобная, очень красивая. Раньше

никто на нее внимание не обращал, а сейчас стали дифирамбы петь» (Там же). Тем временем в Ленинграде председатель совещания Ленинградского дома моделей одежды (ЛДМО), начальник управления швейной промышленности Ленгорисполкома Е. Е. Мельников не хотел принимать нововведение: «В телогрейке тоже хорошо, а оказывается, ее надо снимать» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 68. Л. 45).

В хрущевский период (1953–1964) «преодоление отсталости» являлось ключевым политическим и идеологическим аргументом в риторике советских государственных деятелей [Петрова, 2022, с. 64]. Этот аргумент был напрямую связан с развитием массового потребления в 1950-е гг., которое, в свою очередь, проходило в условиях холодной войны. В этот период власти уделяли особенное внимание повседневным потребностям советских граждан, что было отражено в ряде хрущевских реформ, направленных как на улучшение условий жилья (массовое типовое строительство), так и на производство качественных товаров массового потребления, в которые входила и одежда [Chernyshova, 2013, p. 2; Reid, 2005, p. 290]. Так, во второй половине 1950-х гг. вопрос о производстве и снабжении советских граждан модной одеждой в массовых масштабах встал наиболее остро.

Мода устремлена в будущее и постоянно движется вперед, несмотря на то что в силу своей цикличности часто возвращается к прежним формам. Исследователи отмечают, что отличительным аспектом массовой советской моды была ее специфическая темпоральность [Бартлетт, 2011; Гурова, 2018; Осиновская, 2016]. Ввиду бюрократии и неповоротливости массового производства советская массовая мода 1950–1960-х гг. словно застыла во времени, хотя и пыталась меняться от сезона к сезону; поэтому, по сравнению с западными странами, советская одежда всегда выглядела устаревшей [Гурова, 2018]. Несмотря на то что «отставание» от Запада в плане одежды и моды было весьма очевидным, на уровне планирования сотрудники домов моделей пытались найти пути решения проблемы и разработать для советских граждан «современную одежду» (ГАРФ. Ф. А74. Оп. 1. Д. 287. Л. 40).

Тезис исследователей о «застывшей» [Бартлетт, 2011] во времени моде напрямую связан концепцией советской модерности. Темпоральность – один из важнейших инструментов для понимания модерности [Ssorin-Chaikov, 2017]. Понятие «застывшей моды», используемое исследователями, отсылает к пониманию советской моды как не имеющей динамики и «немодерной» (несовременной) в сравнении с модой капиталистических сообществ. Последние 30 лет в российской и советской историографии не утихают дискуссии о разных концепциях советской модерности [Дэвид-Фокс, 2016; Дэвид-Фокс, 2020; Голубев, 2022]. Американский историк М. Дэвид-Фокс рассуждает о направлениях этой дискуссии, останавливая свое внимание на моделях альтернативной модерности и множественных [Дэвид-Фокс, 2016]. Он отмечает, что различные измерения советской системы – идеология, политический режим, экономический порядок и культура – были тесно связаны между собой, а в период холодной войны именно идеологические задачи «догнать и перегнать» Запад и обойти его в материальном и культурном развитии играли не последнюю роль для развития альтернативной модели модерности [Дэвид-Фокс, 2020]. В одном из последних исследований, посвященных советской материальности, А. Голубев, наоборот, настаивает на модели переплетенных модерностей, отрицая существование особой советской модерности [Голубев, 2022, с. 303].

В настоящей статье мода как проявление советской модерности рассматривается через представления государственного института – Ленинградского дома моделей одежды, который в 1950–1960-е гг. являлся одним из ведущих центров моделирования одежды в СССР. Некоторые историки уже обращали внимание на значение моды и дизайна одежды для понимания советской модерности [Папушина, 2019; Crowley, 2008; Crowley, Reid, 2000; Gronow, 2012; Zhuravlev, Gronow, 2016]. В контексте холодной войны моделирование одежды как практически, так и риторически являлось неотделимым элементом «битвы за будущее» [Crowley, Pavitt, 2008, p. 14]. Разбирая вопрос о модерности в эстетической сфере, автор статьи вносит вклад в историографию истории советской материальности, в которой исследователи преимущественно рассматривают формирование советской модерности через технологическую модернизацию [Кочеткова, 2013; Vasilyeva, 2012; Голубев, 2022].

Исследование предлагает рассмотреть процесс создания советской одежды на уровне планирования на примере ЛДМО. Почему советская одежда выглядела «отстающей» по сравнению с одеждой западных стран? Обладала ли советская мода только одной, более медленной, чем западные страны, темпоральностью? Что это говорит о советской модерности? Статья основана на новых архивных документах: протоколах и стенограммах заседаний и совещаний Художественного совета ЛДМО из Центрального городского архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ), а также выпусках журналов «Модели сезона» и «Моды. Ленинград».

Моделирование одежды в СССР и на Западе

После Октябрьской революции 1917 г. мода и стремление граждан красиво и привлекательно одеваться оказались в центре бурных дискуссий среди большевиков. мода ассоциировалась у большевиков с праздным образом жизни элит царской России, но при этом известные революционерки не скрывали своего интереса к красивой одежде. Революция способствовала изменениям как внутренних, так и внешних форм повседневной жизни [Журавлев, Гронов, 2013]. Так, в первой половине 1920-х гг. художники-авангардисты А. Родченко и В. Степанова активно занимались поиском новой формы одежды. В 1923 г. в Советской России был открыт первый в стране институт для моделирования одежды – Центр по становлению нового советского костюма, ставший прототипом Дома мод. Но эксперименты авангардистов так и не стали частью повседневной жизни, а в период новой экономической политики модная одежда оставалась привилегией номенклатуры или нэпманов [Бартлетт, 2011].

В середине 1930-х гг. индустриализация и модернизация способствовали развитию городской культуры и подъему уровня жизни населения. Так, в этот период в стране активно создавались образцовые универмаги, ателье и продолжался выпуск журналов мод. В 1935 г. в Москве был открыт первый Дом моделей – институт, деятельность которого была сосредоточена вокруг моделирования прототипов одежды. Благодаря его организации советская мода впервые получила официальное подтверждение своего права на существования [Там же]. Однако проект первого Дома моделей оказался слишком амбициозным в условиях плановой экономики в тот период, поэтому оставался сугубо элитарным учреждением. Модная одежда из Дома моделей появлялась в журналах, театральных постановках и кинофильмах, но не имела ничего общего с повседневной реальностью и оставалась недоступной для широкого круга покупателей [Там же].

Начало Великой Отечественной войны, в свою очередь, свело все попытки запустить производство модной одежды на массовом уровне на нет. Власти вернулись к концепции Дома моделей уже после окончания войны. Так, в Ленинграде Дом моделей одежды был учрежден 11 сентября 1944 г. (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Л. 2) и позднее стал одним из главных центров производства одежды и обуви в СССР. Среди местных жителей ателье по изготовлению одежды на заказ, открытое при ЛДМО, считалось одним из самых престижных мест в городе [Келли, 2021, с. 369]. Сотрудники Дома моделей занимались моделированием одежды для массового и индивидуального производства, подготавливали и выпускали журналы мод, а также сотрудничали с местными текстильными фабриками (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 193. Л. 15–16).

Как и другие производственные предприятия, ЛДМО работал согласно пятилетнему плану. Прежде чем отправить заказ на фабрику или ателье, в Доме моделей проводились собрания художественного совета – специальной ячейки, участники которой занимались просмотром, обсуждением и утверждением образцов одежды. В худсовет входили партийные работники, представители торговых организаций (местных универмагов и торговых трестов), текстильных фабрик и городских ателье, младшие и старшие модельеры, а также научные сотрудники музеев (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 32). Предполагалось, что благодаря деятельности Дома моделей граждане, обладавшие разными социальными статусами, от рабочих до служащих, будут одеваться в одинаково модную и практичную одежду [Gurova, 2009].

В позднесоветский период целью как промышленного дизайна, так и моделирования одежды являлось создание простых и функциональных вещей [Karpova, 2020], отличных от тех, что производят на Западе. Тем не менее советская одежда должна была оставаться не про-

сто функциональной, но и модной; при этом основным критерием «модности» для сотрудников Дома моделей являлась одежда, которую носили на Западе, т.е. они ориентировались на тенденции западной моды. Советские модельеры узнавали о западных модных тенденциях благодаря поддержке руководства ЛДМО, которое устраивало модельерам обучающие занятия и лекции (ГАРФ. Ф. А74. Оп. 3. Д. 5). Но зачастую знакомство модельеров с идеями иностранных дизайнеров было ограничено этими лекциями или листанием западных журналов. В Ленинграде, в свою очередь, большинство рядовых модельеров не посещало показы и выставки за границей. Показы мод в капиталистических странах в основном были доступны сотрудникам Общесоюзного дома моделей, хотя иногда в делегацию могли включить ведущих модельеров ЛДМО и других областных или союзных домов моделей.

Ведущие сотрудники и главные модельеры Дома моделей хвалили европейских модельеров, отмечая, что те «великолепно создают ансамбль костюма, умеют варьировать одну и ту же модель, у них можно поучиться большой культуре оформления ткани и фурнитуры» (ГАРФ. Ф. А74. Оп. 1. Д. 281. Л. 66). Для советских модельеров было важно «не отставать» от западных тенденций. Так, в 1958 г. в ходе дискуссии вокруг своего проекта – женского шерстяного платья – ленинградский художник-модельер М. Ф. Киселева выступила со словом, ссылаясь на доклад Н. С. Хрущева: «Я автор данной модели. На наш взгляд, это совершенно необычная модель, может быть, не совсем нам привычная. Но мы выступаем на международной арене. Мы должны давать модные вещи, чтобы мы не отставали. К нам приезжает очень много иностранцев, которые нас сильно критикуют за нашу некрасивую одежду. Позвольте обратить внимание на то, что Н. С. Хрущев несколько раньше говорил о том, что не так важно, что мы, может быть, не совсем модно и красиво одеты. Теперь в тезисах доклада Н. С. Хрущева говорится о том, что в этой семилетке мы должны одеваться и добротнo, и красиво» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 40. Л. 77).

Попытка производства одежды для широких слоев общества, аналогичной европейской, проходила в условиях советской плановой экономики, возможности которой, ввиду системного дефицита, были существенно ограничены [Папушина, 2020]. Руководство ЛДМО, конечно, прекрасно это осознавало, но пыталось найти пути решения этой проблемы. Например, ведущие модельеры предлагали ориентироваться на западные фасоны, но экспериментировать с материалом: «Лановский: В Ленинград приезжала группа итальянцев, у всех пальто – хлопчатобумажный верх, теплая подкладка, меховой воротник. Почему мы не можем из поплина сделать, положить ватин?» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 37. Л. 72).

Однако прямое копирование моделей, даже с временной задержкой, встречало порой жесткую критику со стороны западных модельеров. Так, в конце 1950-х гг. в качестве эскиза был представлен фасон женского платья «трапеция», который был разработан французским модельером Ив Сен-Лораном, который в те годы только начинал карьеру в доме Кристиан Диор. Как отмечает Л. Захарова, в ответ на обвинения в копировании ленинградские модельеры утверждали, что вдохновением для этого фасона являлся русский сарафан [Захарова, 2015]. Вероятно, поэтому директор ЛДМО В. Г. Каминская, представляя новый фасон платья на собрании в 1958 г., оговорила, что «Дом моделей должен какое-то количество этой формы разработать, но увлекаться этим направлением нельзя» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 38. Л. 209). Это стремление сотрудников и модельеров Дома моделей в Ленинграде «не отставать от Запада» связана с хрущевской задачей «догнать и перегнать». Как утверждает М. Дэвид-Фокс, сама цель «догнать и перегнать» подразумевала ориентацию на измененные, но западные критерии оценки промышленности, техники и науки [Дэвид-Фокс, 2020]; сюда же входила и мода, за которой советские модельеры пытались успеть.

Но амбициозные попытки догнать западную моду в стенах ЛДМО редко увенчивались успехом. Самые удачные модели одежды, конечно, были представлены на культурных мероприятиях и показах в странах ОВД и Западной Европы, но полки советских магазинов не имели с этим ничего общего. Те граждане, которые имели возможность сравнить советскую массовую одежду с тем, что шили на Западе, регулярно жаловались на «старомодность» одежды на рынке (ГАРФ. Ф. А74. Оп. 1. Д. 281. Л. 72). Если на уровне дискуссий худсовета советская мода была

изменчивой и динамичной, то чаще всего ассортимент советских магазинов одежды не менялся из года в год.

Темпы моделирования и производства одежды

Ограниченные технические возможности швейной промышленности не являлись единственной причиной редкого обновления ассортимента в ленинградских магазинах одежды. Участники заседаний художественного совета, также являясь потребителями, безусловно, обращали внимание на то, что ни фасоны в ателье, ни ассортимент в ленинградских магазинах одежды не меняются годами: «Надо прямо сказать, что посещение доставляет только одно расстройство, ибо то, что мы видим здесь, ничего нет в жизни. Вы нигде не найдете хорошей шляпы. Если зайдете в ДЛТ, то там висят страшные платья, что смотреть не хочется, исключительно трафаретные фасоны» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 204. Л. 23).

В свою очередь, руководители ЛДМО или игнорировали этот вопрос, или перекладывали ответственность на других акторов, участвующих в этой длинной цепочке моделирования и производства массовой одежды:

«Рюдина: Когда приходишь в ателье сделать заказ, то там совершенно нет новых фасонов, а предлагают старые фасоны, которые носили 4 года назад.

Козлова: Уже проходит зима, а в ателье № 1 не было и нет новых фасонов. Действительно, предлагают старые фасоны со складками сзади.

Хонпер: Журналы должны быть в ателье. Большая часть показанных сегодня моделей пойдет в производство на швейные фабрики.

Козлова: Вы пройдитесь по магазинам и посмотрите, на что похожи зимние пальто, которые сейчас продают. Повторяю, что я была в ателье № 1, и там совершенно не было новых фасонов ни д/с, ни зимних пальто. По-видимому, вы делаете только для показа, но не для внедрения в жизнь.

Хонпер: Мы делаем только исключительно для народа. Я советую вам написать в "Ленинградскую правду" о том, что в ателье нет новых фасонов несмотря на то, что они имеются в Ленинградском доме моделей» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 204).

Вероятно, сложности с поставкой новых фасонов в те же ателье из Дома моделей заключались в сбое в коммуникации между акторами цепочки. В самом Доме моделей очевидную для потребителей разницу между показанными образцами и реальным ассортиментом магазинов объясняли низкой квалификацией кадров швейных фабрик и ателье.

Здесь важно отметить, что потребители, имеющие возможность шить одежду на заказ, находились в более привилегированной позиции с точки зрения доступа к новым фасонам. Некоторые ателье и фабрики «индпошива» должны были стать дополнением к массовому производству и обслуживать советских потребителей, которые были более состоятельны и взыскательны к одежде [Журавлев, Гронов, 2013], поэтому иногда те новые модели, с которыми на массовом уровне швейная промышленность была бы не в состоянии справиться, оставались доступны для индивидуального заказа. Как уже было сказано выше, иногда ателье также сталкивались с отсутствием новых фасонов, но в целом мода тех, кто шил одежду на заказ, принадлежала к более быстрой темпоральности, чем одежда фабричного производства.

Почему новые фасоны иногда не доходили даже до ателье? Дело в том, что проблема с утверждением новинок возникала еще на уровне планирования в ЛДМО. Некоторые участники худсовета, в основном представители торговых организаций, негативно воспринимали новые проекты модельеров, видимо, часто исходя из идеи, что эти модели не будут пользоваться покупательским спросом. Пока одна часть новых образцов получала высшую или среднюю оценку и похвалу, другая становилась предметом бурных обсуждений. В качестве примера можно привести отрывок из заседания 1957 г.:

«Гладкова: Это вечернее платье, но оно производит впечатление сарафана, ибо здесь имеются ляпочки.

Председатель: Это модное направление, но оно нам непривычное.

Выборнова: Мне неясно назначение боковых швов, которые создают мягость в юбке.

Шуб: Это такая ткань.

Председатель: Если говорить о направлении, то это направление модное; если же говорить об исполнении, то здесь имеются существенные замечания.

Башаева: Модное – это не определяет, что хорошо» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 21. Л. 159–160).

В этой дискуссии наблюдается столкновение оппозиционных мнений – с одной стороны, модельеров, которые активно выступали за введение новинок, с другой – более консервативно настроенных коллег. Обсуждая модели одежды, участники заседаний очень часто разделялись на два лагеря. Хотя некоторые члены худсовета, не только сами модельеры, неоднократно подчеркивали, что мода является отражением «духа эпохи» (*Zeitgeist*) [Zhuravlev, Gronow, 2016] и целиком одобряли свежие идеи; некоторые присутствующие не стеснялись выражать пренебрежение и недовольство, особенно в сторону тех моделей одежды, которые выглядели для них «непривычно» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 38. Л. 85). Так, в рамках заседания в 1958 г. в защиту одного женского платья выступила С. М. Бунцис, доцент кафедры художественного текстиля Высшего художественного промышленного училища: «Я считаю, что эта модель очень удачная и рисунок очень хорошо сочетается. Не нужно, если для нас непривычно, отказываться. Сейчас это очень модно» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 38. Л. 85).

На этом же заседании она и другие участники позитивно высказывались о моделях с акцентом на их «современности» на тот период времени. Лановский – о мужском летнем пальто: «Если следовать современной моде, то пальто хорошее» (Там же. Л. 170–171); Бунцис – о женском платье-костюме: «Сама модель хорошая – это красивая, элегантная, современная вещь» (Там же. Л. 198).

Модельеры и другие заседатели, выступавшие за нововведения, пытались защищать новые модели, апеллируя не только к их красоте, но и к «современности» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 21. Л. 123). В разговорах сторонников новинок понятие «современного» часто выступало синонимом «модного». Сотрудники, чьи взгляды на одежду можно назвать консервативными, наоборот, считали, что нет необходимости придумывать новые фасоны или экспериментировать с тканями. Свою позицию по интеграции новых моделей одежды они аргументировали тем, что если вещь является удобной и функциональной в использовании, как та же традиционная для советского рабочего телогрейка, то нет необходимости тратить дополнительные ресурсы для поиска замены.

Так, сложная система утверждения моделей и разные темпы работы акторов, задействованных в процессе моделирования и производства, становились причинами замедления обновления ассортимента как в ателье, так и в рядовых магазинах. Из-за этого массовая советская мода не просто существовала в более медленной темпоральности, чем западная, но могла также находиться в разных временных режимах внутри СССР. На эти разные временные режимы советской моды влияли не только экономические способности граждан, но и культурный и городской контекст.

Разные темпоральности советской моды: Ленинград

Сама система домов моделей подразумевала, что художники-модельеры в ходе экспериментов будут создавать уникальные модели с учетом региональных особенностей. Региональные особенности включали в себя целый спектр элементов – от технических возможностей текстильной промышленности до особенностей фигур местного населения и использования элементов местной народной культуры в моделировании одежды [Журавлев, Гронов, 2013, с. 123]. При этом все проекты должны были отражать «единый советский стиль», определение которого оставалось достаточно абстрактным. Так, использование элементов народной культуры в одежде было ключевой особенностью моделирования в среднеазиатских республиках (РГАЭ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 157. Л. 30), а в регионах РСФСР, например в Перми, модельеры успешно развивали собственные коллекции благодаря интеграции элементов коми-пермяцкого декоративно-прикладного искусства в моделирование одежды [Папушина, 2020, с. 30;

Parushina, Abramov, 2018]. Таким образом, в некоторых местах советская мода могла отражать элементы местной повседневной жизни и культуры.

Сравнительный анализ контента журнала «Моды. Ленинград» (до 1958 г. – «Альбом мод») показывает, что визуально никакой местной специфики в официально санкционированной моде города не было. Однако в контексте социальных и культурных особенностей, сложившихся в Ленинграде в послевоенный период, модельеры ЛДМО, по крайней мере в дискуссиях, имели тенденцию к дистанцированию своих моделей от моделей других регионов СССР, в первую очередь от Москвы. Местные манекенщицы описывали ленинградскую моду как «строгую, но в то же время элегантную, с особым вниманием к силуэту, длине, ширине и посадке, в то время как в Москве больше делали ставку на цвет и детали» (Красотка 52-го размера, 2011), а модельеры на заседаниях не раз настаивали, что некоторые модели напрямую отражают «ленинградский стиль»: *Председатель* (о мужском костюме – прим. автора): «Вот это сугубо ленинградская модель – широкие брюки» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 204).

Удивительно, но это трепетное отношение к городу сказывалось на процессе утверждения моделей одежды для производства. Особенно интересным представляется случай обсуждения летнего костюма на собрании худсовета 1961 г.:

Председатель собрания: «Ленинградец не может ходить по городу как цыган. Товарищи, можно согласиться с тем, что костюм на отдыхе хорош, но когда человек покупает, он надевает его куда угодно и появляется на Невском проспекте... если его продавать, то с рекомендацией.

Тихомирова: Я считаю, что такой костюм нельзя продавать, он напоминает типичный цыганский костюм. Когда по городу идет цыганка с небрежно наброшенной шалью на плечах, то у нас это вызывает неприятное ощущение. А если мы будем пропагандировать, чтобы наша молодежь одевалась таким образом: небрежно наброшенный платок, пестрый костюм...» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 190).

В этом диалоге прослеживается достаточно предвзятое отношение работников ЛДМО к культуре народа рома, больше известного под названием «цыгане». При этом одежда, при моделировании которой использовались элементы славянского народного костюма, практически всегда принималась худсоветом. Ксенофобское отношение модельеров к культуре рома, вероятно, было обусловлено маргинальным положением этого народа в советском обществе. Исследователи народа рома утверждают, что как в Российской Империи, так и в СССР таборы рома, наиболее склонные к частой мобильности, представляли проблему с точки зрения их экономической и социальной интеграции [*Колошинская, 2017; O’Keeffe, 2013; Smirnova-Seslavinskaya, 2021*]. Также в 1950-е гг. ключевой проблемой советских властей с «цыганским» населением являлась их преступная деятельность, вследствие чего эта этническая группа воспринималась как потенциально опасная [*O’Keeffe, 2013, p. 253*].

Помимо этого, традиционные черты образа жизни народа рома противоречили чертам «советского человека»: дисциплине, добросовестному и ответственному труду, культурности. «Пестрые» народные костюмы рома также шли вразрез основным постулатам советской моды: простоте, скромности, элегантности. В ходе обсуждения на худсовете народ рома представляется как «несовременный» с точки зрения этнической принадлежности, класса и культуры, а советская мода словно не была для них доступна. Это наблюдение иллюстрирует контрасты, связанные с подчеркиванием советского этнического и культурного многообразия.

Продолжая разговор о моде для города, нужно вернуться к вопросу о том, что происходило с моделями одежды, которые отклонялись худсоветом. ЛДМО также занимался моделированием одежды еще как минимум для городов Ленинградской, Псковской и Вологодской областей, поэтому некоторые модели, которые участники худсовета находили уже устаревшими для Ленинграда, отправлялись на производство в эти области. Так, на заседании в апреле 1958 г. В. А. Иванова, главный художественный руководитель ЛДМО, обсуждая мужское демисезонное пальто говорила: «Если Вы считаете, что такая модель устарела в Ленинграде, то для периферии она вполне хороша» (ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 38. Л. 17).

Так создавалась определенная иерархия между крупным центром и периферийными городами, против чего выступали некоторые участники заседания, например управляющая ле-

нинградской центральной торговой базой «Главторгодежда» А. И. Киланова: «Мне кажется, что, если Ленинград не берет таких платьев, нельзя посылать и в другие области. Когда красивую модель не берут ленинградские покупатели по каким-то мотивам, ее можно рекомендовать, но в данном случае не стоит» (Там же. Л. 82).

Однако, несмотря на возмущения коллег, руководство ЛДМО продолжало сбывать старые модели одежды в области, способствуя тому, чтобы мода в близлежащих регионах отставала от моды в Ленинграде.

В силу того что Ленинград являлся центром производства одежды и моды для северо-западного региона, области воспринимались как рынок сбыта товаров, не пользующихся спросом в большом городе. В дискурсе участников худсовета ЛДМО в отношении моды присутствовала четкая дихотомия «центральное – региональное». Мода Ленинграда – центра – принадлежала к другой темпоральности, «опережая» провинциальную моду. Одновременно с этим пример дискуссии о внешнем виде народа рома показывает, что, по мнению участников худсовета, целые народности могли описываться как «немодные» и «немодерные». Решения, которые принимали сотрудники ЛДМО в отношении новых фасонов, способствовали росту социального неравенства с точки зрения не только классовой, но и культурной и региональной принадлежности.

Заключение

Рассматривая официальную советскую моду, многие исследователи описывают ее как «застывшую во времени» или «отсталую». Этот взгляд на характер моды в СССР сформировался за счет ее сравнения с модой западных стран. Несомненно, по сравнению с западными государствами, официально санкционированная мода в СССР действительно выглядела устаревшей. В историографии эта проблема в первую очередь объясняется особенностями плановой экономики: узкими техническими возможностями швейной промышленности и общим товарным дефицитом, характерным для того периода.

На примере работы Ленинградского дома моделей одежды в статье была рассмотрена специфическая темпоральность советской моды. В 1950–1960-е гг. советская мода обладала несколькими темпоральными режимами, которые складывались за счет нескольких факторов. В первую очередь в глобальной перспективе советская мода обладала медленной темпоральностью в сравнении с западной модной. Причиной этому служили разные темпы моделирования и производства. Не последнюю роль играли представления участников худсовета о том, какой темп смены коллекций в СССР считался нормальным. Пока одни модельеры выступали за новые фасоны и оригинальные идеи, другие отдавали предпочтение уже устаревшим, но привычным и понятным моделям, что в целом тормозило процесс обновления ассортимента.

Внутри СССР советская мода также могла находиться в разных темпоральностях. В первую очередь здесь можно выделить бинарную оппозицию, которая основана на классовом неравенстве: официально санкционированная массовая мода, конечно, находилась в более медленном темпоральном режиме, чем мода привилегированных слоев населения, которые имели возможность шить одежду на заказ. Вторая похожая пара – это разные моды центра и провинции. Если в первом случае временной режим массовой моды в основном был обусловлен все теми же ограниченными техническими возможностями, то во втором «отставание» провинциальной одежды от центра напрямую было связано с принятыми Домом моделей решениями.

В статье также показано, что в государственном институте моды понимание «современного» было сформировано за счет транснационального взаимодействия идей. Западная мода как отождествление модерна оставалась главным ориентиром для модельеров. При этом у модельеров не было цели создать свою советскую версию современной моды. Обладая разными временными режимами, советская мода проявлялась в разных измерениях модерна внутри СССР.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта №19-78-10017-П "Материальный мир позднесоветского общества в условиях Холодной войны: технологические инновации в производстве и репрезентация товаров широкого потребления".

Список источников

- Стенограмма заседания Художественного совета Дома Моделей. 12 апреля 1948 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее - ЦГА СПб). Ф. 9610. Оп. 1. Д. 32.
- Стенограмма совещания работников Дома моделей с работниками аппарата Горкома и Обкома КПСС о направлении моделирования на 1955 год. 14 января 1955 г. // ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 204.
- Стенограмма заседания Большого Художественного совета дома моделей по просмотру моделей на 1955 год. 3 марта 1955. // ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 193.
- Стенографические отчеты заседаний Большого Художественного Совета. 10 января – 11 апреля 1957 г. // ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 1. Д. 21.
- Стенографические отчеты заседаний Большого Художественного Совета. 9 января – 7 марта 1958 г. // ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 37.
- Стенографические отчеты заседаний Большого Художественного Совета. 10 апреля – 12 июня 1958 г. // ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 38.
- Стенографические отчеты заседаний Большого Художественного Совета. 13 ноября – 11 декабря 1958 г. // ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 40.
- Стенографические отчеты заседаний Большого Художественного совета. Т. 2. 1959 г. // ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 68.
- Стенографические отчеты Большого Художественного совета 1963 года, часть 2 // ЦГА СПб. Ф. 9610. Оп. 3. Д. 190.
- Стенограмма Всесоюзного методического совещания республиканских домов моделей от 20 февраля 1959 г. // Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 141.
- Стенограммы Всесоюзного методического совещания республиканских домов моделей. Т. I. 1960 г. // РГАЭ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 157.
- Стенограмма совещания общесоюзного Дома моделей художников, модельеров и конструкторов домов моделей по улучшению моделирования и конструирования моделей одежды 1955 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. А74. Оп. 1. Д. 281.
- Стенограмма совещания общесоюзного Дома моделей, расписания моделей осенне-зимнего сезона 1955–1956 гг. совместно с торгующими организациями. I часть // ГАРФ. Ф. А74. Оп. 1. Д. 287.
- Материалы о работе Ленинградского дома моделей /планы, отчеты, справки, информации, сведения и др. // ГАРФ. Ф. А74. Оп. 3. Д. 5.
- Красотка 52-го размера. Как жили и работали советские манекенщицы 70-х гг. // Московский Комсомолец. 2011. 15 августа.

Библиографический список

- Бартлетт Д.* FashionEast: Призрак, бродивший по Восточной Европе. М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. 360 с.
- Голубев А.* Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М.: Новое Литературное Обозрение, 2022. 328 с.
- Гурова О.* Время и мода: продолжительность жизни вещей в советском и постсоветском пространстве // Шаги. 2018. Т. 3, № 4. С. 68–96.
- Дэвид-Фокс М.* Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? (пер. с англ. Т. Пирусской) // Новое Литературное Обозрение. 2016. Т. 140, № 4.
- Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: Новое Литературное Обозрение, 2020. 464 с.
- Журавлев С.В., Гронов Ю.* Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М.: ИРИ РАН, 2013. 528 с.
- Захарова Л.* Советская мода как индустрия // Российская история. 2015. № 5. С. 165–170.
- Келли К.* Петербург. Тени прошлого. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. 735 с.
- Колошинская Н.В.* Проблемы преодоления «обезлички в разрешении цыганского вопроса» в СССР во II пол. 40-х – нач. 50-х гг. // История государства и права. 2017. № 13. С. 15–20.

- Кочеткова Е.* Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953–1954 годах: случай Энсо-Светогорска // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2013. Т. 5, № 3. С. 13–42.
- Осиновская И.* Поэтика моды. М.: Новое Литературное Обозрение, 2016. 144 с.
- Папушина Ю.* Производство моды во времена позднего социализма: взгляд из провинциального Дома моделей // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2019. Т. 4, № 54. С. 266–307.
- Папушина Ю.* Советское моделирование на микроуровне: бриколаж, дефицит, творчество // *Вестник Перм. ун-та. История*. 2020. Т. 51, № 4. С. 26–37.
- Петрова А.* Конструирование советского качества и безопасность на производстве: специальная одежда для рабочих в хрущевский период // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2022. Т. 14, № 1. С. 60–87.
- Gurova O.* The Art of Dressing. Body, Gender and Discourse on fashion in Soviet Russia in the 1950s and 1960s. // *The Fabrics of Cultures. Fashion, Identity, Globalization.* / eds. by E. Paulicelli, H. Clark. London, New York: Routledge, 2009. P. 73–91.
- Chernyshova N.* Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era. London and New York: Routledge, 2013. 259 p.
- Crowley D.* Thaw Modern: Design in Eastern Europe after 1956 // *Cold War Modern: Design 1945–1970* / eds. by D. Crowley, J. Pavitt. London: V&A Publishing, 2008. P. 129–153.
- Crowley D., Pavitt J.* Introduction // *Cold War Modern: Design 1945–1970* / eds. by D. Crowley, J. Pavitt. London: V&A Publishing, 2008. P. 10–25.
- Crowley D., Reid S. E.* Style and Socialism: Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe // *Style and Socialism: Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe*. London: Berg, 2000. P. 1–25.
- Gronow J.* Soviet Modernity: The Case of Soviet fashion // *Understanding Russianness* / eds. by R. Alapuro, A. Mustajoki, P. Pesonen. London: Routledge, 2012. P. 125–136.
- O’Keeffe B.* New Soviet Gypsies: Nationality, Performance, and Selfhood in the Early Soviet Union. Toronto: University of Toronto Press, 2013. 328 p.
- Karpova Y.* Comradely Objects: Design and Material Culture in Soviet Russia, 1960s–80s. Manchester, UK: Manchester University Press, 2020. 213 p.
- Papushina I., Abramov R.* The Celebration of Heritage in Soviet Fashion: The Case of the Perm Fashion House // *ZonaMode Journal*. 2018. Vol. 8. P. 167–182.
- Reid S.E.* The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution // *Journal of Contemporary History*. 2005. Vol. 40, no. 2. P. 289–316.
- Smirnova-Seslavinskaya M.* Service Nomadism of the Roma / Gypsies in the Russian Empire: A Social Norm and the Letter of the Law // *Ab Imperio*. 2021. No. 1. P. 51–92.
- Ssorin-Chaikov N.* Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. HAU Books Malinowski Monographs Series, 2017. 150 p.
- Vasilyeva Z.* Do-It-Yourself Practices: Technical Knowledge in late Soviet and Post-Soviet Russia // *Tsantsa: Revue de la Société Suisse d’Ethnologie*. 2012. No. 17. P. 28–32.
- Zhuravlev S., Gronow J.* Fashion Meets Socialism: Fashion Industry in the Soviet Union after the Second World War. Helsinki: Finnish Literature Society, 2016. 306 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.10.2022

MODERNITY, TEMPORALITY AND SOVIET FASHION IN LENINGRAD DURING THE 1950S AND THE 1960S

E. S. Platonova

National Research University “Higher School of Economics”, 16, 190008, St. Petersburg, Russia
es.platonova@hse.ru
ORCID: 0000-0002-5061-8541
Researcher ID: GVS-7611-2022

The article examines the process of clothing design at the Soviet official fashion institution, the Leningrad Fashion House, in the late 1950s and early 1960s. Based on the archival materials and visual sources, the research aims at

exploring Soviet fashion as a manifestation of modernity. One of the key ideological and political agendas of the state leaders of that period was the aim to overcome backwardness. However, compared to Western fashion design, Soviet clothing always looked “frozen in time”. The article investigates the specifics of temporality of Soviet fashion. The analysis of unique sources exhibits that Soviet fashion had several temporal orders. The first temporal order was formed due to the different speeds of design and production. Class, social and cultural inequalities influenced the formation of various fashions in the Soviet Union, which could retard from each other. Soviet designers did not set themselves the goal of creating a completely alternative variant of modern fashion. Understanding of modernity was shaped by the transnational entanglements of ideas and practices, as Western fashion remained the major reference point for what it meant to be modern. The key theoretical result of the article is that, being in different temporalities, Soviet fashion indicated different dimensions of modernity.

Key words: Soviet fashion, Leningrad, the Thaw, temporality, modernity.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 19-78-10017-P.

References

- Bartlett, D. (2011), *FashionEast: Prizrak, brodivshiy po Vostochnoi Evrope* [FashionEast. The Spectre that Haunted Socialism], Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, Russia, 360 p.
- Chernyshova, N. (2013), *Soviet Consumer Culture in the Brezhnev Era*, Routledge, London and New York, UK – USA, 259 p.
- Crowley D. & J. Pavitt (2008), “Introduction”, in Crowley, D. & J. Pavitt (eds.), *Cold War Modern: Design 1945–1970*, V&A Publishing, London, UK, pp. 10–25.
- Crowley D. & S. E. Reid (2000), “Style and Socialism: Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe”, in Reid, S.E. & D. Crowley (eds.), *Style and Socialism: Modernity and Material Culture in Post-War Eastern Europe*, Berg, London, UK, pp. 1–25.
- Crowley, D. (2008), “Thaw Modern: Design in Eastern Europe after 1956”, in Crowley, D. & J. Pavitt (eds.), *Cold War Modern: Design 1945-1970*, V&A Publishing, London, UK, pp. 129–153.
- David-Fox, M. (2016), “Modernity in Russia and the USSR: absent, common, alternative or interwind?”, *Novoe literaturnue obozrenie*, vol. 140, № 4, pp. 19–44.
- David-Fox, M. (2020), *Peresekaya granitsy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze* [Crossing borders: modernity, ideology and culture in Russia and the Soviet Union], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 464 p.
- Golubev, A. (2022), *Veshchnaya zhizn': material'nost' pozdnego sotsializma* [The things of life: materiality in late Soviet Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 328 p.
- Gronow, J. (2012), “Soviet Modernity: The Case of Soviet fashion”, in Alapuro, R., Mustajoki, A. & P. Pesonen (eds.), *Understanding Russianness*, Routledge, London, UK, pp. 125–136.
- Gurova, O. (2009), “The Art of Dressing. Body, Gender and Discourse on fashion in Soviet Russia in the 1950s and 1960s”, in Paulicelli, E. & H. Clark (eds.), *The Fabrics of Cultures. Fashion, Identity, Globalization*, Routledge, London and New York, UK – USA, pp. 73-91.
- Gurova, O. (2018), “Time and fashion: the lifespan of things in Soviet and post-Soviet spaces”, *Shagi*, vol. 3, № 4, pp. 68–96.
- Karpova, Y. (2020), *Comradely Objects: Design and Material Culture in Soviet Russia, 1960s–80s*, Manchester University Press, Manchester, UK, 213 pp.
- Kelly, K. (2021), *Peterburg. Teni proshlogo* [Petersburg. Shadows of the past], Academic Studies Press / Biblorossika, St. Petersburg, Russia, 735 p.
- Kochetkova, E. (2013), “Modernization of the Soviet pulp and paper industry and transfer of technologies in 1953–1954: the case of Enso-Svetogorsk”, *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, vol. 5, № 3, pp. 13–42.
- Koloshinskaya, N.V. (2017), “Problems of overcoming ‘depersonalization in resolving the gypsy issue’ in the USSR in the second half of 1940s – early 1950s”, *Istoriya gosudarstva i prava*, № 13, p. 15–20.
- O’Keeffe, B. (2013), *New Soviet Gypsies: Nationality, Performance, and Selfhood in the Early Soviet Union*, University of Toronto Press, Toronto, Canada, 328 p.
- Osinovskaya, I. (2016), *Poetika mody* [Poetics of fashion], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 144 p.
- Papushina, Iu. & R. Abramov (2018), “The Celebration of Heritage in Soviet Fashion: The Case of the Perm Fashion House”, *ZoneModa Journal*, vol. 8, pp. 176–182.
- Papushina, Iu. (2019), “The field of fashion production during late socialism: the case of Perm clothing design house”, *Teoria mody: odezhda, telo, kul'tura*, vol. 4, № 54, pp. 266–307.
- Papushina, Iu. (2020), “Soviet fashion design at micro-level: bricolage, scarcity, creativity”, *Vestnik Perm. un-ta. Istoriya*, vol. 51, № 4, pp. 26–37.

- Petrova, A. (2022), “Industrial safety and the construction of «Soviet quality»: work clothes during the Khrushchev period”, *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, vol. 14, № 1, pp. 60–87.
- Reid, S.E. (2005), “The Khrushchev Kitchen: Domesticating the Scientific-Technological Revolution”, *Journal of Contemporary History*, vol. 40, № 2, pp. 289–316.
- Smirnova-Seslavinskaya, M. (2021), “Service Nomadism of the Roma / Gypsies in the Russian Empire: A Social Norm and the Letter of the Law”, *Ab Imperio*, № 1, p. 51–92.
- Ssorin-Chaikov, N. (2017), *Two Lenins: A Brief Anthropology of Time*, HAU Books Malinowski Monographs Series, Chicago, USA, 150 p.
- Vasilyeva, Z. (2012), “Do-It-Yourself Practices: Technical Knowledge in late Soviet and Post-Soviet Russia”, *Tsantsa: Revue de la Société Suisse d’Ethnologie*, № 17, pp. 28–32.
- Zakharova, L. (2015), “Soviet fashion as an industry”, *Rossiyskaya istoriya*, № 5, pp. 165–170.
- Zhuravlev, S. & J. Gronow (2016), *Fashion Meets Socialism: Fashion Industry in the Soviet Union after the Second World War*, Finnish Literature Society, Helsinki, Finland, 306 p.
- Zhuravlev, S.V. & Yu. Gronov (2013), *Moda po planu: istoriya mody i modelirovaniya odezhdy v SSSR, 1917–1991* [Fashion according to the plan: the history of fashion and clothing design in the USSR, 1917–1991], IRI RAN, Moscow, Russia, 528 p.